

Джозеф Дилейни

УЧЕНИК ВЕДЬМАКА

СКОЛЬЗЯЩИЙ

Ученик Ведьмака

Джозеф Дилейни
Скользящий

«ЭКСМО»

2012

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

Дилейни Д.

Скользящий / Д. Дилейни — «Эксмо», 2012 — (Ученик
Ведьмака)

ISBN 978-5-699-98488-6

Эта история произошла к северу от Графства, покой которого хранят старый ведьмак Джон Грегори и его ученик Томас Уорд. Жители этих земель беззащитны перед созданиями Тьмы. И отчаянное положение заставляет получившего смертельную рану фермера заключить жуткий договор с одним из чудовищ. В обмен на право распоряжаться жизнью его старшей дочери Нессы монстр, который называет себя Скользящим, проводит двух других дочерей фермера к родным. Это жестоко, но позволит спасти хотя бы двух девушек от опасностей северных земель... Несса должна это понять.

УДК 821.111-312.9

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-699-98488-6

© Дилейни Д., 2012

© Эксмо, 2012

Содержание

Джозеф Дилейни	5
Кобалы	6
Пролог	7
Глава 1	9
Глава 2	15
Глава 3	19
Глава 4	25
Глава 5	29
Глава 6	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Джозеф Дилейни Скользящий

© Бушуев А.В.; Бушуева Т.С., перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Посвящается Мэри

Кобалы Из заметок Джона Грегори

Кобалы не люди. Они прямоходящие, но больше похожи на лис или волков. Туловище покрыто темной шерстью. Согласно обычаю, лицо и руки они бреют. Маги-кобалы носят пальто с прорезью сзади, что позволяет им выпускать наружу хвост, который они используют как еще одну конечность.

Эти маги – одинокие существа, которые остерегаются даже своих соплеменников. Обычно они селятся за границами холодного королевства кобалов, которое находится далеко на севере континента, называемого Европой. У каждого имеется хайзда, которую они считают своей собственностью. На землях хайзды в деревнях и на фермах живут по несколько сотен человек. Маги правят людьми при помощи страха и волшебства. Они завладевают человеческими душами и копят энергию. Обычно маг живет в стволе старого дерева, гханбалы. Днем он спит, а по ночам странствует по землям своей хайзды и для поддержания сил пьет кровь людей и животных. Он может менять физическую форму и размеры тела, принимая облик различных зверей. Маг такого вида является также внушающим ужас воином, излюбленное оружие которого – сабля.

Кобалы – свирепая, воинственная раса, которая, за исключением вышеназванных магов, обитает в Валькарке, городе, расположенном на Северном полярном круге. Название «Валькарка» означает «Город Окаменевшего Дерева». Его населяют многочисленные чудовища, созданные черной магией. Стены Валькарки постоянно обновляются существами, которые никогда не спят и способны размягчить во рту камень для постройки. Кобалы верят в то, что стены их города будут расширяться постоянно, до тех пор, пока Валькарка не разрастется на весь мир.

Приведенный выше текст основан на записках одного из самых первых ведьмаков по имени Николас Браун. Он совершал путешествия далеко за пределы Графства. Помимо его записных книжек, никаких других свидетельств того, что эти сведения правдивы, нет, но нам следует отнестись к ним без всякого предубеждения. Мир велик и еще не до конца исследован.

Пролог Ночной комшар Нессы

В моей комнате очень темно. Фитиль догорел, воск растекся лужицей. Пламя мигнуло и погасло. Здесь еще и холодно, не спасают даже вторые одеяла. Зима была долгой и самой суровой на моей памяти. Сейчас весна, но на полях и на дворе фермы все еще лежит снег. Даже окна в моей комнате и те покрыты изнутри льдом.

Зато завтра у меня день рождения. Мне исполнится десять лет. Я с нетерпением жду праздничного торта. Я должна постараться задуть на нем все свечи с одного раза – надо просто дунуть изо всех сил. Если мне это удастся, отец вручит мне подарок. Это платье, красное платье с белыми кружевами на воротнике и подоле. Я хочу спать. Я крепко закрываю глаза и пытаюсь уснуть. Лучше поскорее уснуть, чтобы быстрее настало утро. Я открою глазу и увижу, как солнечный свет льется в мое окно и в его лучах танцуют похожие на крошечные солнца пылинки.

Внезапно я слышу какой-то звук. Что это? Как будто кто-то скребет пол у деревянной перегородки. Неужели крыса?! Они такие ужасные – огромные, серые, с малюсенькими глазками и длинными усами. Больше всего на свете я боюсь, что такая тварь может забраться в мою постель.

От страха сердце начинает бешено стучать, и я хочу позвать отца. Но два года назад умерла моя мама, и ему приходится одному заниматься фермой. Он работает с утра до ночи и сильно устает. Ему необходимо выспаться.

Нет, я должна быть храброй. Эта крыса скоро убежит прочь. Что ей делать в моей постели? Тут ведь нет никакой еды.

Но скрежет острых когтей о дерево раздастся снова. От страха сердце готово выскочить из груди. Звук раздастся ближе, на полпути между окном и моей кроватью. Я лежу, затаив дыхание, прислушиваюсь. Вдруг он повторится? И он повторяется, причем совсем рядом, под кроватью! Если посмотреть вниз, я наверняка увижу, как эта тварь смотрит на меня злыми глазами-бусинками.

Я должна встать. Я убегу в комнату отца. Но что, если крысиные усы коснутся моих ног? Что, если я наступлю на длинный крысиный хвост?!

Теперь звуки еще громче. Я чувствую, как кто-то тянет за край одеяла, и вздрагиваю от страха. Цепляясь когтями, крыса карабкается ко мне на кровать. Охваченная паникой, я пытаюсь сесть. Но не могу. Меня как будто парализовало. Я открываю рот, чтобы закричать, но с моих губ не срывается ни единого звука.

Крыса уже забралась на кровать. Сквозь одеяло я чувствую, как ее острые когти впиваются мне в кожу. Сидя у меня на груди, она бьет хвостом, причем все быстрее и быстрее, как будто в такт моему сердцу.

Неожиданно я чувствую что-то еще, нечто омерзительное и пугающее.

С каждой секундой крыса становится тяжелее, она давит мне на грудь, я задыхаюсь. Неужели такое возможно?! Разве она может быть такой большой и тяжелой?!

В темноте я чувствую, как ее мордочка приближается к моему лицу. Даже не мордочка, а морда. Я ошущаю кожей жаркое крысиное дыхание. Но есть кое-что еще более странное, чем ее размеры и тяжесть. Ее глаза светятся в темноте. Они красные и огромные, и в их жутковатом свете я ее вижу.

Оказывается, это не крыса. Передо мной лисья или волчья морда с длиной челюстью и острыми зубами. И эти зубы впиваются в мою шею. Боль длинными тонкими иглами пронзает горло.

Я кричу. Кричу снова и снова. Кричу беззвучно. Мне кажется, что я умираю, соскальзывая из нашего мира в кромешную тьму.

Внезапно я просыпаюсь. Тяжесть с груди исчезла, и я могу пошевелиться. Я сажусь в постели и плачу. Вскоре до меня доносится звук тяжелых шагов по деревянным половицам коридора.

Дверь распахивается, и в спальню со свечой в руке входит отец.

Он ставит ее на столик возле кровати, и в следующий миг я оказываюсь в его объятиях. Я рыдаю и рыдаю, и он гладит меня по волосам и по спине, пытаюсь утешить.

– Все в порядке, все в порядке, доченька, – бормочет он. – Это был лишь дурной сон, всего лишь ночной кошмар.

Внезапно он отстраняет меня от себя и внимательно осматривает мое лицо, шею и плечи. Затем достает из кармана носовой платок и осторожно промокает мне шею. Потом комкает и засовывает платок обратно в карман.

Но не слишком быстро – я успеваю заметить на белой ткани пятна крови. Неужели ночной кошмар закончился? Я проснулась? Или все еще сплю?

Глава 1

Мы договорились?

Я проснулся, мучимый жаждой.

Мне всегда хочется пить, когда я просыпаюсь, так что в этом не было ничего необычного, никакого намека на то, что этот день запомнится мне навсегда.

Я вылез из дупла, расположенного высоко в стволе моей гханбалы, и посмотрел вниз на белую замерзшую землю.

До восхода солнца оставался целый час, и звезды все еще были видны на небе. Я знал названия всех пяти тысяч звезд, но Кугис, Собачья звезда, была моей любимой. Красная, словно налитый кровью глаз, глядящий сквозь черный бархатный занавес, который набрасывает на небо Повелитель Ночи.

Я провел в спячке почти три месяца. Я всегда сплю в это время года – в самую темную и самую холодную часть зимы, которую мы называем *шудру*. И вот я проснулся и захотел пить.

Рассвет был слишком близок, чтобы мог испить крови людей в моей хайзде, тех людей, которых я развожу на ферме. Моим вторым предпочтением была охота, но охотиться еще не на кого. Пока ничто не способно утолить мою жажду. Впрочем, был способ. Я всегда мог пойти и припугнуть старого Роулера, чтобы он согласится выполнить наш договор.

Я снова протиснулся в дупло и сунул в ножны на груди два моих самых острых кинжала. Затем натянул длинное плотное черное пальто с тринадцатью пуговицами, сделанными из отличнейшей кости.

Полы пальто доходят до коричневых кожаных башмаков, а длины рукавов хватает, чтобы скрыть мохнатые руки. Я весь покрыт шерстью. Впрочем, есть у меня еще кое-что, о чем я должен упомянуть. Нечто, что отличает меня от вас.

У меня есть хвост. Не смейтесь, не делайте удивленное лицо и не качайте головой. Если подумать, вы должны пожалеть себя, потому что у вас его нет. Видите ли, мой хвост – он длинный и сильный, он даже лучше, чем третья рука.

И еще кое-что. Меня зовут Скользящий, и прежде чем закончится мой рассказ, вы поймете почему.

Наконец я завязал шнурки на башмаках, выбрался через дупло на ветку и шагнул в открытое пространство.

Я досчитал до двух и освободил хвост. Он тотчас собрался кольцом и напрягся. Задев им о нижний сук, я содрал чешуйки коры. Словно черные снежинки те полетели вниз. Я несколько секунд висел на хвосте, пока мои зоркие глаза изучали снег. На замерзшем насте

не было никаких следов. Впрочем, я и не ожидал их увидеть. Слух у меня острый. Я просыпаюсь при малейшем звуке, но всегда лучше перестраховаться, чем потом сожалеть.

Я снова прыгнул, а приземлившись и ощутив под ногами замерзшую почву, со всех ног пустился бегом, глядя, как под моими пятками земля превращается в сплошное размытое пятно. Еще несколько минут – и я буду на ферме Старого Роулера.

Я уважал Старого Роулера. Уважал в той степени, чтобы превратить безжалостный захват в осторожную сделку. Для человека ему было не занимать храбрости. Ему хватило ее, чтобы жить поблизости от моего дерева, тогда как многие другие его соплеменники сбежали из этих мест. Ее хватило, чтобы заключить договор.

Я прошел вдоль деревянной ограды его участка, но как только дошагал до вымощенного камнем двора, раздулся до размеров, которые неизменно воздействуют на большинство людей – не слишком огромен, чтобы напугать, но и не слишком мал, чтобы у Старого Роулера возникли нехорошие мысли. В общем, стал таким, каким был сам фермер до того, как его старые кости начали слабеть, а спина согнулась под грузом прожитых лет.

Я тихонько постучал в дверь – своим особым ритмичным стуком. Не слишком громко, чтобы ненароком не разбудить трех его дочерей, но вполне различимо, чтобы фермер, пыхтя, спустился вниз по лестнице.

Открыв дверь на ширину своей мозолистой руки, он сунул в образовавшуюся щель свечу и посветил мне в лицо.

– Что на этот раз? – грозно спросил он. – Я надеялся, что больше никогда тебя не увижу. С тех пор как ты заявился ко мне в последний раз, прошло уже несколько месяцев. Я так надеялся, что это не повторится!

– Я хочу пить, – сообщил я. – А охотиться пока еще рано. Мне нужна хотя бы росинка, чтобы согреть на несколько часов мой желудок.

С этими словами я ослабил, обнажив острые зубы и обдав его горячим дыханием, которое облачком пара взметнулось в холодный воздух.

– Мне нечего тебе дать. Времена нынче тяжелые, – покачал головой фермер. – Такой суровой зимы я давно не припомню. Я потерял весь свой скот, даже овец.

– А как поживают три твои дочери? Надеюсь, они в добром здравии, а? – спросил я, открывая рот еще шире.

Как я и ожидал, свеча в руке Старого Роулера задрожала.

– Держись подальше от моих дочерей, Скользящий! Слышишь меня? Держись подальше!

– Я лишь справился об их здоровье, – вкрадчиво произнес я. – Как твоя младшая? Надеюсь, кашель у нее прошел.

– Не трать попусту мое время! – оборвал Роулер. – Живо говори, зачем пожаловал!

– Мне нужна кровь. Нацеди мне воловьей крови, совсем чуть-чуть, чтобы мне согреться. Хотя бы полчашки.

– Я же сказал, зима была долгой и тяжелой, – ответил он. – Для выживших животных сейчас голодное время. Им нужны силы, чтобы дотянуть до весны.

Видя, что так я от него ничего не добьюсь, я вытащил из кармана пальто монету и покрутил ею, чтобы она блеснула в огоньке свечи.

* * *

Старый Роулер не сводил с меня глаз. Я же плюнул на воловий бок, чтобы эта часть туши онемела и, когда я сделаю на шкуре маленький точный надрез, вол ничего не почувствовал. Вскоре потекла кровь. Чтобы не потерять даже капли, я подставил под ее струйку металлическую чашку, которую мне дал сам хозяин фермы.

– Ты же знаешь, я не причиню вреда твоим дочерям, – сказал я. – Они для меня почти что члены семьи.

– Что ты знаешь о семье! – буркнул в ответ фермер. – Ты, если проголодаешься, сожрешь родную мать. А что ты скажешь о дочери Брайана Дженсона, что живет на ферме у реки? Она исчезла в начале прошлой весны, и с тех пор ее никто не видел. Слишком много моих соседей пострадало от твоих рук.

Я не стал оправдываться, равно как и подтверждать его обвинения. Всякое случается. Обычно я владею собой, когда пью человеческую кровь, и разумно расходую ресурсы моей хайзды, но иногда желание берет верх, и тогда я забираю слишком много крови.

– Эй, погоди! Мы договорились о половине чашки! – запротестовал Старый Роулер.

Я улыбнулся и прижал палец к ране, чтобы остановить кровь.

– Верно, – согласился я. – И все же три четверти кружки тоже неплохо. Скажем так, это хороший компромисс.

Не сводя глаз с лица фермера, я сделал долгий глоток. На нем было длинное пальто, и я знал, что под полой у него спрятана острая сабля. Если его напугать или спровоцировать, старик без колебания пустит ее в ход.

Не то чтобы Роулер, пусть даже вооруженный, представлял для меня большую угрозу, но схватка с ним разрушит наш договор. Будет жаль, потому что от людей вроде него есть польза. Я, конечно, предпочитаю охотиться, но домашний скот, особенно волы, к которым я питаю немалую слабость, значительно облегчает жизнь в трудные времена. Я сам не готов держать скотину, зато ценю роль фермера при таком порядке вещей. Он единственный в моей хайзде, с кем я когда-либо заключил договор.

Может, я старею? Когда-то я бы разорвал горло человеку вроде Роулера, причем без малейших колебаний. Увы, молодость осталась позади, зато теперь я неплохо подкован по части управления хайздой. Я уже стал адептом.

Но двухсотое лето было опасным временем для мага хайзды. Порой мы страдаем от того, что называем *скайум*. Дело в том, что такая долгая жизнь меняет ваш образ мыслей. С годами становишься мягким, начинаешь понимать чувства и нужды других – что магу хайзды совсем ни к чему. Многие не в состоянии пережить эти опасные годы, ибо утрачивают кровожадность, да и зубы становятся менее острыми. Поэтому я знал, что должен проявлять бдительность.

Теплая кровь стекала по горлу в желудок, наполняя меня новой силой. Я улыбнулся и облизал губы. Минимум один день мне не придется охотиться. Я вернул кружку Старому Роулеру и направился напрямик на мое излюбленное место. Это была опушка небольшого леса на южных склонах, откуда открывался вид на ферму. Затем я сам, вместе с пальто и башмаками, сжался до самого малого своего размера – обычно в таком виде я провожу зимнюю спячку – и стал не больше серой крысы.

Однако воловья кровь сохранила свой прежний объем, и мой желудок был полон. Хотя я только что пробудился от спячки, сочетание полного желудка и только что поднявшегося солнца навеяло на меня сонливость.

Я лег на спину и вытянул ноги. В моем пальто есть специальная шлица, что-то вроде короткого рукава, позволяющая мне выпускать наружу хвост. Когда я бегу, охочусь или сражаюсь, он кольцом прижимается к спине, но иногда, летом, когда светит солнце и меня клонит в сон, я ложусь на нагретую траву и вытягиваю его сзади. Счастливый и довольный, я и сейчас поступил так же и почти мгновенно уснул.

Обычно с таким полным желудком, как сейчас, я крепко сплю целые сутки. Но перед самым закатом воздух острым клинком прорезал чей-то крик и разбудил меня. Я сел и замер, принохиваясь. Мои ноздри затрепетали.

Кровь...

Я поднял хвост, чтобы разузнать как можно больше. Все складывалось как нельзя лучше, и у меня потекли слюнки. Согласен, воловья кровь сладка и вкусна, но это была самая аппетитная кровь из всех – свежeproлитая человеческая кровь, – и ее запах исходил со стороны фермы Старого Роулера. Ко мне внезапно вернулась жажда. Я вскочил и бегом бросился к далекой ограде. Делая длинные прыжки, я вскоре оказался возле границ фермы и, нырнув под ограду, мгновенно принял обычные человеческие размеры. Я снова воспользовался хвостом для поиска источника запаха. Тот шел со стороны Северного пастбища, и я точно знал, чей он.

Я был довольно близко от старика и мог учуять кровь сквозь его сморщенную кожу, услышать, как она течет по узловатым венам. Пусть это и старая кровь, но когда дело касается человеческой крови, я не слишком разборчив.

Да, это был Старый Роулер. Он истекал кровью. Затем я различил еще один источник крови, правда гораздо более слабый. Это был запах крови молодой женщины.

Я снова побежал, чувствуя, как от волнения сердце колотится в груди. Когда я достиг Северного пастбища, оранжевый шар солнца уже повис точно в середине небосвода. Чтобы понять, что случилось, мне хватило одного взгляда.

Похожий на сломанную куклу, Старый Роулер лежал на земле возле ствола высокого тиса. Даже с расстояния я уловил запах крови на траве. Над ним склонилась чья-то фигура. Я пригляделся. Это была девушка в коричневом платье, с длинными волосами цвета ночи. Я почуял и запах ее юной крови. Она казалась куда слаще и вкуснее, чем кровь Старого Роулера.

Я узнал ее. Это была Несса, его старшая дочь. Она рыдала, склонившись над стариком. Потом я увидел на соседнем поле вола. Он сердито топал копытами и мотал рогатой головой. Должно быть, это он боднул фермера. Несмотря на ранение, старик сумел добраться до ворот и закрыть их за собой.

Внезапно девушка обернулась и увидела меня. С криком ужаса она вскочила на ноги и, подобрав подол длинной юбки, бегом бросилась к дому. Я легко мог бы ее догнать, но теперь мне было совершенно некуда спешить. Я зашагал к телу старого фермера.

Сначала я подумал, что старик мертв, но мой острый слух уловил подрагивающий ритм слабеющего сердца. Ошибиться было невозможно: старый Роулер умирал – под ребрами в боку зияла рана, из которой на траву, пузырясь, вытекала кровь.

Когда я опустился рядом с ним на колени, он открыл глаза. С перекошенным от боли лицом он все же попытался заговорить. Я был вынужден нагнуться ниже, и вот мое левое ухо почти коснулось окровавленных губ старика.

– Мои дочери... – прошептал он.

– Не беспокойся за своих дочерей, – сказал я.

– Но я беспокоюсь, – произнес умирающий фермер. – Ты помнишь условия нашего первого договора?

Я не ответил. Но я их прекрасно помнил. Уговор был заключен семь лет назад, когда Нессе только что исполнилось десять.

«Пока я жив, держись подальше от моих дочерей! – предостерег он меня тогда. – Но если со мной что-нибудь случится, можешь взять себе старшую, Нессу, в обмен на то, что отвезешь двух других на юг, в Пуденте, к их тетке и ее мужу. Они живут в деревне Стоунли, рядом с последним мостом перед Западным морем...»

«Я позабочусь о них, – пообещал я, понимая, что это может стать началом многолетнего и весьма полезного для меня договора с фермером. – Буду обращаться с ними как со своей семьей».

«Договор, – еще раз уточнил старик. – Ведь мы с тобой заключили договор?»

«Да, – согласился я. – Заключили».

Это была хорошая сделка. Согласно закону Биндоса, каждый гражданин-кобал раз в сорок лет обязан продать на невольничьем рынке хотя бы одну пурру – человеческую девушку, – если не хочет стать изгоем. В этом случае ему придется сторониться своих соплеменников, ибо те имеют право убить его на месте. Будучи магом хайзды, я не интересуюсь рынками и не желаю владеть женщинами, как это принято. Но я знал: настанет время, когда я буду вынужден исполнить долг или же испытать на собственной шкуре все последствия пренебрежения им. Стать отступником, существом вне закона, преследуемым моим собственным народом... Роулер стар, и, когда он умрет, я смогу продать Нессу.

И вот теперь он лежал передо мной, доживая свои последние минуты. Несса теперь моя.

Фермер закашлялся, отхаркивая сгустки мокроты и крови. Долго он не протянет. В считанные мгновения Старый Роулер умрет.

На то, чтобы доставить двух девушек их родне, уйдет не меньше недели. После этого Несса станет моей. Я смогу силой отправить ее на север, на невольничий рынок, а по пути буду не спеша лакомиться ее кровью.

Внезапно старик принялся шарить дрожащей рукой по карманам пальто. Наверно, ищет оружие, решил я.

Но нет, он вытащил коричневую записную книжицу и карандаш. Затем, даже не глядя на страницу, дрожащей рукой стал что-то писать. Для умирающего он сумел написать довольно много слов. Закончив, старик вырвал листок и протянул его мне. Я осторожно подвинулся ближе и взял его.

– Это для Нессы, – прошептал Роулер. – Я написал ей, что делать. Ты можешь взять себе все что хочешь – ферму, домашний скот и Нессу. Помнишь наш договор? Главное – отвези Сюзан и Бриони к их тетке и ее мужу. Ты сделаешь это? Ты обещаешь?

Я быстро пробежал глазами записку. Закончив читать, я свернул листок пополам и положил его в карман пальто. Затем улыбнулся, показав лишь самые кончики зубов.

– Мы заключили договор, и я даю слово чести, что выполню свои обязательства, – сказал я.

Я ждал, когда Старый Роулер умрет. Ждать пришлось дольше, чем я предполагал. Хватая ртом воздух, пытаюсь дышать, он как будто не хотел уходить из жизни, хотя и испытывал жуткие мучения. Солнце уже опустилось за линию горизонта, когда он наконец испустил дух.

Я не сводил с него глаз. Любопытство не отпускало меня. Семь лет назад я заключил со Старым Роулером договор, но плоть и кровь непрозрачны и скрывают истинную душу, заключенную в их оболочку. Я часто думал о том, каким упрямым, храбрым, а порой вздорным бывал старый фермер. И вот теперь наконец я узнаю, каков он на самом деле.

Я ждал, когда его душа отлетит от тела, – и не был разочарован. Над смятым пальто начал вырисовываться серый силуэт. Едва различимый, он был гораздо меньше самого Роулера, слегка светился и имел форму завитка. Мне и раньше доводилось видеть человеческие души. Я любил дожидаться того мгновения, когда душа прощается с телом.

Интересно, кто он, Старый Роулер?

«Верх» или «низ»?

Я ловец душ. Я хватаю их и, извлекая из них энергию, пополняю ею мой собственный дух. Поэтому я приготовился протянуть руку и схватить душу старого фермера. Сделать это не так-то просто, даже при полной сосредоточенности. Это получается, только если душа ненадолго задерживается в нашем мире. Но эта душа не стала медлить.

С еле слышным свистом она по спирали устремилась в небеса. Такое не часто увидишь. Обычно души стонут, или воют, или ныряют в землю. Так что Старый Роулер несомненно

был «верхом». Я упустил новую душу, – хотя какая разница? Он умер, и мое любопытство было удовлетворено.

Я принялся обыскивать его. Нашлась лишь одна монета. Возможно, та самая, которую я дал ему за чашку воловьей крови. Затем я снял с него саблю. Рукоятка слегка заржавела, но мне нравился вес этого оружия, да и лезвие было острым.

Я несколько раз взмахнул саблей. Она хорошо лежала в руке, и я осторожно спрятал ее за подкладку пальто. Закончив, я мог приступить к главному делу этой ночи.

Дочерям Старого Роулера...

Глава 2 Никаких манер

Когда я добрался до фермы, уже начало темнеть. Сегодня ночью луна не появится. Единственный источник света был в доме – слабое мерцание свечи за старыми занавесками передней спальни.

Я в два прыжка подскочил к двери и трижды громко постучал. Для этого я воспользовался черной колотушкой, украшенной головой одноглазой горгульи. По идее, она должна была отпугивать всех чудовищ, прячущихся в ночи. Конечно, это все чепуха и суеверия. Мой тройной стук эхом прокатился по всему дому.

Ответа не последовало. У этих девчонок плохие манеры, подумал я.

Рассердившись, я встал на четвереньки и трижды обежал вокруг дома против часовой стрелки. Всякий раз, пробегая мимо двери, я издавал леденящий душу вой.

Затем я вернулся к входной двери дома и увеличил себя до размеров втрое больше человеческих. Прижался лбом к холодному стеклу окна спальни и закрыл один глаз.

Левым глазом в узкую щелку между занавесками я смог увидеть мое наследство – Нессу и двух ее сестер. Они сидели на кровати, прижавшись друг к другу.

Несса сидела посередине, обняв за плечи Сюзан и Бриони. Я и раньше не раз тайком подглядывал за ними. Думаю, не было ничего такого, чего бы я о них не знал.

Нессе исполнилось семнадцать, Сюзан на год ее моложе. Но Сюзан потолще Нессы, и волосы у нее цвета спелого зерна. На невольничьем рынке за нее дали бы самую большую цену. Что до Бриони, то она еще ребенок, лет восьми, не больше. Если готовить ее на медленном огне, то ее мясо будет сочным, даже вкуснее молоденького однодневного цыпленка, хотя многие кобалы предпочли бы такое нежное мяско в сыром виде.

Увы, самое печальное, что из них троих Несса была дешевле всех. Зато продав ее, я выполню мой долг согласно закону Биндоса. Уговор дороже денег, я всегда держу слово. Поэтому я съежился до человеческих размеров и одним мощным ударом левой руки выбил входную дверь.

Дерево разлетелось в щепки, дом содрогнулся, замок развалился, и старая дверь со стоном распахнулась внутрь. Не дожидаясь приглашения, я шагнул через порог и поднялся по деревянной лестнице.

Несса

Мне было стыдно, что я оставила отца умирать на пастбище в полном одиночестве. Но я так испугалась зверя, что ничего не могла с собой поделаться. Вбежав в дом, я заперла все двери и отвела Сюзан и Бриони в мою спальню. От душевной боли и ужаса я почти полностью лишилась дара речи, но, оказавшись дома, молчать не могла.

– Отец мертв! – заплакала я. – Его забодал вол!

Сестры разрыдались. Мы забрались на кровать, и я обняла их, пытаюсь утешить, насколько это было возможно. Вдруг мы услышали снаружи какие-то пугающие звуки. Сначала кто-то трижды громко постучал в дверь, потом раздались леденящие кровь завывания, от которых волосы на затылке встали дыбом.

– Закройте уши! Не слушайте! – велела я сестрам.

Мои руки лежали у них на плечах, поэтому сама я была вынуждена слушать этот страшный вой. За окном кто-то тяжело задышал, и на какой-то жуткий миг мне показалось, будто через щелку между занавесками меня разглядывает гигантский глаз.

Но разве такое возможно? Зверь был не настолько огромен. Я видела его раньше, когда он приходил к нам на ферму, и он казался не выше отца.

Внезапно снизу донесся страшный удар. Мое сердце забилося еще быстрее. Я точно знала, что это такое. Это зверь выбил входную дверь.

На лестнице раздались громкие шаги. Он явно направлялся к нашей спальне. Дверь была заперта, но по сравнению с входной, уже выбитой им, она была хлипкой. Эта преграда его не остановит. Я задрожала всем телом.

Дверная ручка медленно повернулась. Я в ужасе не сводила с нее глаз.

– Несса! – прорычал зверь. – Открой дверь ипусти меня. Теперь я твой отец. Будь послушной девочкой ипусти меня!

Я оторопела от ужаса. Как может это чудовище утверждать, что стало моим отцом?!

– Твой отец оставил эту ферму мне, Несса, – продолжал зверь. – Вместе с тобой. И если ты будешь послушной, я не стану обижать твоих пухленьких сестер. Он попросил меня отвезти их к вашей тетке и ее мужу, чтобы они жили там и ни в чем не знали нужды. Я пообещал ему это сделать, а я всегда держу слово перед мертвыми. Но ты теперь моя, Несса! Почему ты не отвечаешь? Или ты мне не веришь? Тогда прочти вот это, это завещание твоего отца.

Я не могла поверить ни единому его слову. Сестры рыдали в ужасе. Как мог отец согласиться на такое?! – думала я. Я всегда считала, что он любит меня. Неужели ему было все равно, что с нами будет?!

Зверь сунул под дверь листок бумаги. Я слезла с кровати, подняла его и начала читать.

Несса!

Я пообещал зверю, что ему достанутся ферма и ты. В обмен на это он пообещал отвезти Бриони и Сюзан к твоим тете и дяде. Я пытался быть хорошим отцом, и, если бы понадобилось, отдал бы ради вас жизнь. А теперь ты должна пожертвовать собой ради младших сестер.

Твой любящий отец.

Хотя письмо было написано дрожащим неровным почерком, я узнала руку отца. И все же мне пришлось перечитать написанное трижды, прежде чем смысл его дошел до моего помутившегося сознания. На листке были пятна крови – должно быть, отец писал эти строки в последние мгновения жизни.

Мысли путались у меня в голове, однако я понимала, что должна выманить зверя из дома. Если я не соглашусь исполнить завещание отца, эта жуткая тварь разнесет в щепы дверь спальни и, возможно, убьет нас всех. Поэтому, прежде чем заговорить, я сделала глубокий вдох и заставила себя успокоиться.

– Я принимаю условия отцовского завещания, – сказала я. – Но мои сестры напуганы. Поэтому прошу тебя: уйди и на время оставь нас одних. Пожалуйста, не заходи пока на ферму.

– Я согласен, Несса, – ответил зверь, удивив меня неожиданной покладистостью. – Тебе, конечно, требуется время, чтобы пережить смерть отца. Но ты должна прийти ко мне завтра перед закатом. Я живу в самом большом дереве гханбала на том берегу реки. Его нельзя не заметить. Мы поговорим о том, что нам предстоит сделать.

На следующий день я сдержала данное зверю обещание и пошла к нему. Мне было страшно. Еще больше меня пугало то, что он велел мне явиться к нему в конце дня, перед самым закатом. Весь день я занималась привычными делами на ферме, вдобавок к тем, что обычно выполнял отец. Но, несмотря на это, мне так и не удалось избавиться от страха и горестных мыслей о будущем. Скоро стемнеет, и я окажусь наедине с чудовищем, всецело в его власти.

Время от времени наши соседи куда-то пропадали, но отец всегда отказывался говорить об этом. Однажды я спросила его, не думает ли он, что к этому как-то причастен зверь.

«Никогда не говори таких вещей, дочь! – предостерег он меня. – В нашем доме мы в безопасности, так что будем благодарны за это».

Увы, оставаться в доме уже было небезопасно. Если я не приду в логово зверя, он вернется на ферму. Что может быть страшнее этого? Не исключено, что он сожрет меня прямо на месте. В конце концов, отец отдал меня ему в собственность в обмен на жизнь сестер.

Я сказала Сюзан и Бриони, что если я не вернусь до рассвета, то пусть они бегут к соседям на другой конец долины. Хотя даже там им будет грозить опасность. Кто поручится, что зверь сдержит слово?

Дойдя до берега реки, я приблизилась к броду. И тотчас поняла, что логово зверя именно здесь. Он был прав – такое нельзя не заметить. Его жилище было в два раза больше остальных деревьев в округе – гигантское дерево гханбала с широким стволом и огромными переплетенными ветвями. На фоне угасающего дня оно показалось мне зловещим.

Я зашагала к дереву, и когда подошла к нему ближе, уже почти стемнело. Его крона была такой плотной, что скрывала последние лучи света. Неожиданно где-то сзади раздался мягкий удар. Я в ужасе обернулась и оказалась лицом к лицу со зверем.

– Здравствуй, Несса! – произнес он, обнажив в мерзкой улыбке острые зубы. – Какая же ты славная, послушная дочь! Сдержала обещание. Завтра, в доказательство моей признательности, я похороню твоего бедного отца, чтобы крысы не успели окончательно его обглодать. Боюсь, что глаз он уже лишился, хотя они ему уже больше и ни к чему. К сожалению, крысы успели отгрызть и два пальца на ногах и три на руках. Но ничего страшного! Его тело скоро будет предано земле. Я обложу его могилу камнями, чтобы его ненароком не выкопало какое-нибудь голодное животное, так что не беспокойся. Ему будет тихо и спокойно в темноте, где его будут медленно глотать черви, как то, собственно, и положено.

От этих бесчувственных и жестоких слов к моему горлу подкатил комок. Я едва не задохнулась. Я понурила голову, не желая встречаться со зверем взглядом. Мне было стыдно, что я не нашла в себе мужества вернуться на Северное пастбище и похоронить отца. Когда же я подняла глаза, он еще раз нахально ухмыльнулся, вытащил из кармана ключ, трижды на него плюнул и вставил в замок в стволе дерева.

– Я редко пользуюсь этой дверью, – пояснил он. – Но для тебя это единственный способ проникнуть в мое жилище целиком. Иди вперед, а я следом. Ты моя гостья. Добро пожаловать!

Опасаясь, что он может напасть на меня сзади, я все же повернулась к нему спиной и вошла в дверь.

– Большинство моих гостей уже были мертвы, когда я притаскивал их сюда, но ты, Несса, гость особенный. Я сделал все что мог, чтобы украсить мой дом к твоему приходу!

Его слова повергли меня в ужас. Сердце затрепетало, но все же я с любопытством огляделась по сторонам. Просто невероятно, что внутри дерева может находиться такое прекрасное, отлично обставленное жилище. Я насчитала тринадцать свечей, каждая в причудливом подсвечнике. Они стояли на обеденном столе, столь искусно отполированном, что в него можно было смотреться как в зеркало.

– Не желаешь бокал вина, Несса? – спросил зверь своим грубым голосом. – На многие вещи проще смотреть через дно бокала.

Я попыталась отказаться от его предложения, но когда открыла рот, то лишь испуганно ахнула. Его слова заставили меня вздрогнуть – это была одна из поговорок моего отца. Кроме того, я заметила, что это отцовское вино. Я знала, что прошлой осенью он продал зверю десять бутылок. Сейчас они выстроились на столе в ряд позади двух бокалов.

– Вино – вторая вещь после крови из всех, что есть свете! – заявил он и вновь показал зубы. Он уже открыл все бутылки, и теперь они были неплотно заткнуты пробками. – Мне жутко хочется пить, и я надеюсь, что ты не выпьешь больше положенного. Четырех бутылок для человека достаточно, ты согласна?

Я покачала головой, отказываясь. Внезапно во мне вспыхнула искорка надежды. Если он предлагает мне вино, значит, в его планы не входит меня убивать?

– Это хорошее вино, – заметил зверь. – Твой старый отец сам делал его. Так что я буду только рад, если ты выпьешь со мной. Мы же не захотим, чтобы оно пропало зря, верно, малышка Несса?

И вновь у меня не нашлось слов, но я еще внимательнее оглядела комнату, стараясь запомнить самые незначительные мелочи. Ряды бутылок и банок на полках. Длинный стол в дальнем углу, украшенный, как мне показалось, черепами маленьких животных и птиц. Наконец мой взгляд остановился на трех ковриках из овчины, брошенных на пол. Причем каждый был ярко-алым. Вряд ли это краска. А если нет – значит... кровь?

– Вижу, тебе нравятся мои ковры. Требуется немалое умение, чтобы они сохраняли свой цвет. Вне тела кровь недолго остается красной.

При этих словах меня с головы до ног пробрала дрожь.

– Скажу честно, Несса, я был бы не прочь испить сейчас твоей крови. – Я в страхе отшатнулась, но зверь невозмутимо продолжил: – Но как бы то ни было, придя сюда, ко мне, ты оправдала мое доверие. Я убедился в том, что ты станешь выполнять условия договора, который я заключил с твоим отцом. Именно поэтому я и пригласил тебя сюда. Ты с честью выдержала испытание, убедив меня в том, что ты человек слова и умеешь его держать. А еще с твоей стороны было благородно отказаться от вина, так что я оставлю все десять бутылок себе. И позволю тебе вернуться домой.

Будь готова завтра к закату, – сказал он мне, когда я задышала более или менее свободно. – Забей и засоли трех свиней, а всю их кровь до последней капли собери и наполни ею бидон из-под молока – во время поездки мне наверняка захочется пить. Возьми в дорогу сыр, хлеб, свечи и два больших котелка. Смажь маслом колеса самой большой вашей повозки. Я приведу лошадей, но ты должна приготовить запас овса.

И захвати побольше теплой одежды и одеял. Снег может пойти еще до конца недели. Мы доставим твоих сестер к родственникам, как я и обещал. А после я отвезу тебя на север и продам на невольничьем рынке. Твоя жизнь будет короткой, но полезной для моего народа.

Я медленно шагала домой, оглушенная тем, что узнала. Но мне нужно было продумать массу мелочей – например, что делать с нашим домашним скотом. Разумней всего отдать его кому-нибудь из соседей. Мне предстояло сделать немало дел, прежде чем моя жизнь изменится до неузнаваемости. Я стану рабыней зверей и вряд ли проживу долго.

Глава 3 Темная башня

Я как и обещал, пришел на ферму на закате, и с радостью обнаружил, что все три сестры Роулер готовы к путешествию.

Во дворе стояли три массивных дорожных сундука. На самом маленьком, нервно выдергивая нитки из шерстяных варежек, сидела Бриони. Позади нее, обиженно надув губы, стояла Сюзан. Несса нетерпеливо расхаживала туда-сюда по двору. С каждой минутой становилось все холоднее. Они благоразумно надели самую теплую одежду, но их пальтишки были тонкими и изношенными и не слишком защищали от холода.

Я остановился в открытых воротах, посмотрел на девушек и едва сдержал слюну. Приглядевшись внимательнее, я понял, что плоть самой юной из них так нежна, что ее и правда лучше употребить в сыром виде. Даже без всякой варки и жарки она будет легко отделяться от костей. Что касается Сюзан, то на ее костях мяса будет побольше, а ее кровь даже слаще. Мне потребуется все самообладание, чтобы выполнить условия нашего с Роулером договора.

Выбросив эти мысли из головы, я дал шпоры моему вороному жеребцу. Цокая по булыжнику копытами, тот вошел во двор. За собой я вел белую кобылу и здорового тяжеловоза. Его предстояло запрячь в повозку, в которой поедут младшие сестры. Всех трех лошадей я украл в этот же день.

Прежде чем остановиться, я трижды объехал двор по кругу, после чего наклонился к сестрам и довольно осклабился. Сюзан и Бриони съезжились от страха, однако Несса храбро подошла ко мне и указала на сарай позади хлева.

– Повозка стоит там, – сказала она, гордо вскинув подбородок. – Мы уже погрузили в нее припасы, но сундуки слишком тяжелы для нас...

Я спешился и прямо у нее перед носом сжал и разжал волосатый кулак, так, что хрустнули суставы. Затем буквально за минуту запряг в повозку тяжеловоза и закинул в нее сундуки. Ну и слабаки же эти люди! Их сундуки были легкими как пушинки.

Вдруг Несса заметила у меня на поясе остро отточенную саблю, ту, что раньше принадлежала ее отцу. Я нагло усмехнулся.

– Это сабля моего отца! – воскликнула она.

– Она ему больше не нужна, – возразил я. – Да и вообще – у нас нет времени копаться в прошлом. Кстати, эта белая кобыла для тебя, Несса. Я специально ее выбрал.

– Мои сестры поедут в повозке? – спросила она.

– Разумеется. Согласись, это лучше, чем идти пешком! – заявил я.

– Но ведь Сюзан не умеет обращаться с лошадьми. Ей будет трудно управлять повозкой, тем более зимой! – возразила Несса.

– Не бойся, малышка Несса, тяжеловоз послушен моей воле и не причинит вреда твоим сестрам. Они могут просто сидеть в повозке.

Для меня было минутным делом дохнуть тяжеловозу в ноздри и с помощью магии добиться его послушания. Конь будет идти вслед за мной, причем лишь тогда, когда я буду двигаться, и останавливаться тоже вместе со мной.

– Ты обещал похоронить моего отца, – внезапно укорила меня Несса. – Но утром его тело все еще лежало на пастбище. Можешь не беспокоиться, – мы все сделали сами. Но я поняла, что ты не держишь своих обещаний.

– Я честно выполняю условия договора, Несса, но это совсем другое дело, просто любезность с моей стороны, и я намеревался ее выполнить. К сожалению, я был занят поиском лошадей и мне не хватило времени. С другой стороны, даже лучше, что ты сама предала его тело земле. Считаю это компенсацией за то, что ты убежала, оставив его умирать одного.

Несса ничего не ответила, но по ее щекам скатилось по слезинке. Отвернувшись от меня, она кое-как забралась в седло, а ее сестры залезли в повозку. Вскоре мы уже ехали в сторону перекрестка. Между тем стало еще холоднее, а трава от мороза побелела.

Было нелегко раздобыть за такое короткое время сразу трех лошадей. Я стараюсь не убивать и не красть в моей хайзде. Чтобы разжиться лошадаками, я был вынужден отъехать довольно далеко. Я надеялся, что Несса не заметит темное пятно крови на левом боку белой кобылы.

Вражда между моим народом и людьми длится вот уже пять тысяч лет. В периоды расширения владений кобалов она выливалась в настоящие войны. Теперь же это тихая взаимная ненависть.

Моя вотчина, моя хайзда, обширна. На ней расположено немало ферм и несколько небольших хуторов, которые меня кормят. Но за ее пределами я становлюсь одиночкой и легко привлекаю к себе нежелательное внимание. Вне всяких сомнений, увидев принадлежащих мне пурр, люди объединят силы и попытаются отобрать их у меня. По этой причине я должен проявить осторожность и передвигаться в основном по ночам.

На исходе третьей ночи пошел снег. Поначалу легкий, он почти не покрывал прихваченную заморозками землю. Однако постепенно он повалил сильнее, крупными хлопьями, а с запада подул резкий ветер.

– Мы не можем ехать в такую погоду! – запротестовала Несса. – Нас занесет снегом, и мы замерзнем!

– У нас нет выбора, – возразил я. – Мы должны двигаться дальше. Я закаленный, мне не привыкать, но стоит нам остановиться, как вы, слабые людишки, замерзнете и умрете!

Несмотря на свою похвальбу, я знал: погода скоро вынудит нас сделать остановку. В таких суровых условиях девушкам не прожить и нескольких дней. В общем, я был вынужден изменить свои планы.

Хотя небо у нас над головой уже было серым, предрассветным, я решил рискнуть. После короткого привала мы продолжили путь. Теперь мы ехали на запад, прямо навстречу поднимающейся метели.

Сначала Сюзан и Бриони сидели съжившись под брезентом в задней части открытой повозки. Обе жаловались на холод, но я бы не стал их за это винить. Затем, спустя примерно час, они заявили, что когда укрываются от непогоды под брезентом, их укачивает и тошнит. По этой причине остаток дня они ехали, высунув головы наружу, навстречу лютному холоду и мокрому снегу. Еще пара часов такой езды – и они замерзнут насмерть.

Когда стало смеркаться, мы въехали в густой хвойный лес и вниз по склону двинулись к берегу замерзшей реки. На другой ее стороне был виден еще более крутой берег.

– Нашим лошадям ни за что не преодолеть подъема! – крикнула Несса.

Она была права.

На дне ложбины слева виднелись ворота с пятью перекладинами. Здесь, одарив пурру кривой улыбкой, я спешил. Изрядно повозившись со снегом и подергав ворота, я сумел их открыть, причем довольно широко, чтобы в них проехали лошади и повозка.

Вдоль берега реки тянулась выжженная дорожка. Снег не залеживался на ней – снежинки таяли при первом же прикосновении.

От дорожки поднимался пар. На моих глазах Несса спешила и провела свою кобылу в ворота. Войдя, она нагнулась и пощупала поверхность дорожки.

– Какая горячая! – ойкнула она, быстро отдернув руку.

– Конечно горячая! – со смехом подтвердил я. – Иначе почему на ней тает снег?

Несса подошла к повозке и поговорила с сестрами.

– Вы в порядке? – спросила она.

– Я так замерзла, – пожаловалась Сюзан, – что не чувствую ни рук, ни носа.

– А меня тошнит, – добавила Бриони и спросила: – Мы скоро остановимся?

Несса ничего не ответила и посмотрела на меня:

– Куда мы едем?

– В гостиницу, – ответил я.

Я не стал снисходить до объяснений, а лишь вскочил на своего скакуна и снова взялся за поводья.

Вскоре ели и сосны уступили место сикоморам, дубам и ясеням, которые, сбросив листву, ждали наступления короткого лета. Деревья как будто давили на нас, темные и огромные. Их мощные сучья словно когти впивались в серое небо. Было странно видеть эти деревья так далеко на севере.

Вдруг нас окутала странная тишина. Ветер внезапно улегся, и даже стук копыт и грохот колес как будто вязли в покрытой пеплом дорожке.

Бриони, младшая из сестер, расплакалась от холода. Прежде чем к ней подъехала Несса, чтобы ее утешить, я обернулся и шикнул на нее – мол, ни звука! – и для выразительности прижал палец к губам.

Через несколько секунд я увидел среди деревьев слабый фиолетовый свет. Он то гас, то снова вспыхивал, как будто где-то далеко открывался и закрывался гигантский глаз. Наконец впереди замаячила какая-то постройка.

Вскоре перед нами возникла темная башня в окружении высоких крепостных стен с зубцами и подъемными решетками. Проникнуть за стены крепости можно было лишь по перекидному мосту через ров.

– И ты называешь это гостиницей? – сердито спросила Несса. – Я надеялась, что это будет постоялый двор с огнем в очаге и чистыми комнатами, где можно укрыться от снегопада и хорошо выспаться. Мои сестры едва не умирают от холода. Что это за странная башня? Готова спорить, ее построили чьи угодно руки, но только не человеческие.

Сама башня была высотой в девять этажей и размером в три больших фермерских дома. Сложенная из темно-фиолетового камня, она вся сверкала, потому что по ее бокам вниз стекали ручьи воды. Хотя с темного неба по-прежнему валил снег, земля вокруг башни была голой. При этом от стен и земли исходил пар, словно где-то внизу, в глубине, бушевал исполинский огонь. Крепость была возведена над подземным гейзером, который нагревал ее камни.

Как-то раз, почти сорок лет назад, я провел ночь в этой башне по пути на невольничий рынок, чтобы выполнить свои обязательства согласно закону Биндоса. Правда, в то время здесь правил некто, кто уже давно ушел из жизни, убитый Нунком, Верховным магом, который и был нынешним властителем башни.

Я посмотрел на Нессу и улыбнулся:

– Это гостиница не для таких, как ты. Но нищие не выбирают. Это *кулад*, крепость, построенная моим народом. Держитесь поближе ко мне, если хотите пережить эту ночь.

С этими словами я подвел их к башне. От моего уха не укрылось, как испуганно ахнули младшие сестры Нессы. Подъемный мост начал пониматься. Были явственно слышны звон цепей и скрип храповика, но привратника нигде не было видно. Никто не вышел поприветствовать нас или грубо осведомиться, что нам нужно.

Через двор круглой крепости я повел девушек в направлении конюшен. Здесь для лошадей нашлись свежая солома и навес, под которым повозка могла укрыться от коварства стихии. Затем сквозь узкую дверь я подвел их к винтовой лестнице, уходящей ввысь, в темную башню.

Через каждые десять ступенек нам встречались зажженные факелы в железных скобах, прикрученных к стене. Хотя воздух внутри башни был неподвижен, их желтое пламя плясало и подрагивало. Но даже оно было бессильно разогнать темные тени над ними.

– Мне здесь не нравится, – захныкала Бриони. – Я чувствую, как на нас смотрят чьи-то глаза. В этой темноте притаились чудовища!

– Тебе нечего бояться, – сказала ей Несса. – Это всего лишь твое воображение.

– Но здесь могут быть насекомые и мыши, – пожаловалась Сюзан. Пусть эта пурра и такая сочная, но ее писклявый голос уже начал меня раздражать.

Мы двинулись дальше. На некотором расстоянии друг от друга в стене были деревянные двери. Вскоре нам попались три, расположенные рядом, и я выбрал их для Нессы и ее сестер. В каждой имелся заржавленный замок, из которого торчал массивный железный ключ.

– Вот теплые спальни для каждой из вас, – сказал я, задрав от раздражения хвост. – Чтобы вам никто не мешал, я на всякий случай запру двери. Попробуйте уснуть. Ужина не будет, но вскоре после рассвета подадут завтрак.

– Почему мы не можем втроем спать в одной комнате? – потребовала ответа Несса.

– Комнаты слишком малы, – пояснил я, открывая первую дверь. – И в каждой только одна кровать. Молодым растущим девушкам нужно больше места, чтобы выспаться.

Несса заглянула внутрь, и я прочитал на ее лице испуг. Комната на самом деле была маленькой и тесной.

– Там грязно, – недовольно пожаловалась Сюзан.

Бриони начала тихонько плакать:

– Я хочу остаться с Нессой! Я хочу остаться с Нессой!

– Пожалуйста, позволь Бриони остаться в моей комнате! – взмолилась Несса в последней отчаянной попытке. – Она слишком мала, чтобы спать одной в таком месте...

Пропустив ее слова мимо ушей, я скривился в свирепой ухмылке и, втолкнув ее внутрь, захлопнул дверь и повернул ключ в замке. Потом проделал то же самое с младшими сестрами.

Хотя жестокость – часть моей природы, отнюдь не она двигала мною в эти минуты. Я сделал это ради их же безопасности, заперев каждую по отдельности как три разных предмета моей собственности, согласно законам моего народа.

У меня не было иного выхода, кроме как привести их сюда. Останься мы снаружи – девушек вскоре уже не было бы в живых. Последние человеческие жилища остались далеко позади. На данный момент башня была единственным возможным пристанищем. Согласен, это место опасно даже для мага хайзды. Крайне сомнительно, что здесь нас ждет ласковый прием. Теперь, согласно обычаем, мне следовало подняться на верх башни, чтобы выказать почтение ее владыке, Нунку. У него была репутация жестокого тирана, и своими подданными он правил, внушая страх.

Нунк был Верховным магом – у кобалов это самый высший ранг. Будучи одиночками, обитающими в своих собственных владениях вдали от Валькарки, мы, маги хайзды, не вписывались в эту иерархию. Я не боюсь Верховного мага, но обязан засвидетельствовать ему почтение. Случись мне сразиться с ним, я не взялся бы предсказать исход этой схватки. Тем не менее мне было любопытно узреть Нунка во плоти и крови, увидеть своими глазами, таков ли он, как о нем рассказывают. Говорили, будто во время одного набега на царство людей он сожрал семь сыновей тамошнего властителя. Сделано это было прямо на глазах у отца, после чего Нунк голыми руками оторвал ему голову.

Я поднимался по винтовой лестнице все выше и выше. С каждым шагом воздух становился все более теплым и сырým, а мое беспокойство усиливалось. Такова особенность Верховных магов: чтобы доказать свою стойкость, они частенько селились в самых неподходящих для жизни местах.

Хотя я уже почти добрался до самого верха, я не заметил ни одного стражника. И все же мой хвост подсказывал мне, что охранники Нунка где-то рядом, возможно в подземелье под башней.

На лестничной площадке была всего одна дверь. Я толчком распахнул ее и оказался в передней. Это была баня, в которой слуги и гости Нунка могли омыть тела, прежде чем проследовать дальше.

Правда, такую баню я видел впервые. В банных помещениях нередко бывает чересчур жарко, но здесь жар был нестерпимым. Воздух был полон удушающего пара. Я почувствовал, что задыхаюсь.

За исключением каменной полосы по его периметру и узкого арочного мостика, дававшего возможность перебраться на другую сторону, помещение являло собой огромный бассейн, полный крутого кипятка. Неудивительно, что тот на моих глазах превращался в клубы пара.

Нунк, Верховный маг, был по самые подмышки погружен в бассейн, но его колени торчали из-под воды, а на них покоились его огромные волосатые руки. Его очень толстое лицо было выбрито согласно обычаю кобаловских магов. Короткая щетина на лице была черной, за исключением длинной седой полосы, тянувшейся по низу лба, – шрам от дуэли, которым он очень гордился.

Хотя Нунк был огромен, раза в два больше меня, я не испытывал перед ним страха. Рост – вещь относительная. Как маг хайзды я могу в один миг сравняться с ним ростом.

– Залезай в воду, гость, – пророкотал Нунк. – Мой дом – твой дом. Мои пурры – твои пурры.

Нунк обратился ко мне на бэльском языке, обычном разговорном языке кобалов. Я не слышал его уже много лет, и моему уху он показался непривычным. Я так долго прожил рядом с людьми, что свой собственный народ воспринимал едва ли не как чужеземцев.

Это тотчас насторожило меня. С Нунком мы ни разу не встречались, и то, что кобал заговорил с незнакомцем на бэльском, означало расположение и гостеприимство, однако часто за этим следовало предложение сделки. Мне нечего было предложить ему на обмен.

Я поклонился и, сняв пояс и саблю, которую осторожно прислонил к стене, расстегнул все тринадцать пуговиц пальто и повесил его на крючок на двери. Пальто было тяжелее обычного, потому что за подкладкой лежали три ключа от комнат девушек. Затем я снял ремни и ножны с двумя короткими кинжалами и положил их рядом с саблей.

Наконец я стянул ботинки и приготовился войти в бассейн. Я знал: мне потребуется огромная сосредоточенность и сила воли, чтобы выдержать кипяток, – но, увы, чтобы соблюсти законы гостеприимства, я должен хотя бы на короткое время окунуться в воду. Нельзя давать Нунку повод считать себя оскорбленным.

В этом кипятке недолго было свариться заживо – но что делать? Я заставил себя скользнуть в него. Увы, другие мысли уже мешали мне сосредоточиться. Я вспомнил приветствие Нунка, и мне тотчас стало не по себе: ведь в нем он упомянул пурр.

Пурры – это женские особи людей. Обычно их разводят в загонах-скличах в Валькарке, иногда для того, чтобы продать в рабство, но чаще в качестве пищи. Слово это применимо и к другим человеческим женщинам, вроде трех сестер, дочерей старого фермера. В башне Нунка наверняка имелись пурры, в этом не было ничего удивительного, но с порога предложить их полуночному гостю – это знак явного неуважения.

Впрочем, предложение это было сделано на бэльском языке, и это свидетельствовало о том, что он желал заключить сделку. Его следующие слова подтвердили мою догадку.

– Предлагаю тебе трех моих самых ценных пурр, но требую от тебя кое-что взамен – мы заключим сделку. Ты должен отдать мне трех своих пленниц.

– Увы, с самой искренней вежливостью и почтением я, к моему великому прискорбию, должен отклонить твое щедрое предложение, – учтиво ответил я. – Я связан данным мною обещанием. Я должен доставить этих пурр их родственникам в Пуденте.

Нунк издал недовольный рык:

– Любое обещание, данное человеку, здесь не имеет никакой силы. Как Верховный маг я требую твоего беспрекословного подчинения. Этой ночью мне нужна самая младшая – для пира в честь Талькуса Нерожденного. Ее лакомая юная плоть станет украшением сей трапезы.

– При всем моем уважении к твоему высокому рангу, властитель, – произнес я как можно более учтиво, – лично я тебе ничем не обязан. Эти пурры – моя собственность, и согласно законам кобалов я имею естественное право распоряжаться ими по своему усмотрению. Так что извини, но я вынужден отклонить твое предложение.

Это правда: я обязан уважать Нунка как Верховного мага, но я имею все права отклонить подобное требование.

По идее, на этом наш разговор должен был завершиться. Но не успел я произнести последние слова, как тотчас почувствовал в левой ноге, ближе к лодыжке, острую боль. Меня словно укололи кончиком клинка, а потом резко повернули его в ране.

Я инстинктивно нагнулся и потрогал ногу. В следующий миг что-то скользнуло мимо моих пальцев и, извиваясь, поплыло прочь.

Я проклял собственную глупость. Ведь это меня укусила водяная змея! Кипяток и пар притупили мои чувства, иначе бы я ощутил присутствие этой твари, когда только-только вошел в комнату.

Подними я хвост – наверняка бы обнаружил ее, но такое поведение было невыносимо. Этим я бы серьезно нарушил этикет и нанес оскорбление хозяину. Я никак не ожидал от Нунка подобного коварства.

Опасаясь за свою жизнь, я повернулся и попытался выбраться из бассейна. Увы, слишком поздно. Чувствуя, как стремительно немеет все тело, я вновь соскользнул в воду. Я дышал уже с трудом – мою грудь как будто сдавило тугим обручем.

– Ты умираешь, – громогласно произнес Нунк, и его голос раскатистым эхом отскочил от стен. – Зря ты отказался принять мое предложение. Теперь твои пурры стали моими – мне же ничего не нужно давать взамен.

Содрогнувшись от боли, я провалился в кромешную тьму. Я не боялся смерти, но мне было ужасно стыдно, что я позволил так легко себя провести. Я допустил ошибку, недооценив Нунка. Скайум подкралась ко мне практически незаметно. Я действительно слишком размяк. Я больше недостоин быть магом хайзды.

Глава 4 Кобаловский зверь

Несса

«Ты должна быть храброй, Несса, – повторяла я себе. – Если тебе когда-либо требовалось мужество, то это сейчас, ради тебя самой, но еще больше – ради сестер!»

Я была заперта в маленькой узкой каморке без окон. К ржавому железному шипу, торчавшему из стены, был прилеплен огарок свечи. В его дрожащем свете я с трудом разглядела окружающее пространство.

Мне тотчас стало страшно – это было не что иное, как тюремная камера. Никакой мебели. Лишь в дальнем углу валялась охапка гнилой соломы.

Каменные стены были в темных пятнах, как будто по ним разбрызгали какую-то жидкость. Я с ужасом подумала, что это может быть кровь, и, содрогнувшись, присмотрелась внимательнее. Тотчас же я почувствовала, что от стены исходит тепло. По крайней мере, здесь я не замерзну. Но это было слабым утешением.

Дыра в полу, прикрытая ржавой металлической крышкой, явно служила для того, чтобы в нее справляли нужду. Я также заметила кувшин с водой, но никакой еды.

На миг, окинув взглядом эти голые стены, я едва не впала в отчаяние, однако тотчас его сменил гнев. Почему моя жизнь должна закончиться, по сути, так и не начавшись?! Глубокое горе, в которое меня повергла внезапная смерть отца, превратилось в тупую боль невосполнимой утраты. Я любила его, но вместе с тем была на него сердита. Неужели ему совсем не было до меня дела? Что он там сказал в своем письме?

Если бы понадобилось, я отдал бы ради вас жизнь. А теперь ты должна пожертвовать собой ради младших сестер.

Как самонадеянно с его стороны приказать мне пожертвовать собой! С какой легкостью он это сказал! От него такой жертвы никто никогда не требовал. Теперь он мертв и свободен от этого ужасного мира. Мои же страдания только начались. Я стану рабыней этих зверей. У меня никогда не будет своей семьи – ни мужа, ни детей...

Я проверила дверь. Ручки изнутри не было, но я слышала, как в замочной скважине повернулся ключ. Отсюда мне никогда не выбраться. Я тихонько заплакала, но не от жалости к себе, пришедшей на смену гневу, – это я оплакивала моих сестер. Ведь каково сейчас бедняжке Бриони сидеть одной в тесной голой клетушке! Наверняка она трясется от страха.

Как же быстро после нескольких лет относительного счастья на нас обрушились невзгоды и страдания! Наша матушка умерла в родах, давая жизнь Брионии. После того

горестного дня отец делал все, что в его силах, чтобы мы жили в достатке. Он даже храбро заключил договор со зверем-кобалом – он называл его Скользящим, – чтобы тот нас не трогал. Мы почти не общались с соседней деревней и ближними фермами, однако знали: зверь держит в страхе всю округу. Мы же благодаря отцу были избавлены от мук и унижений, которые выпали на долю наших соседей.

Мне показалось, будто я услышала плач Бриони в соседней комнате, но когда приложила ухо к стене, по ту сторону было тихо.

Я громко позвала ее по имени, потом еще раз. Затем опять прижалась ухом к стене, но вновь ничего не услышала и не получила никакого ответа. Спустя какое-то время свечной огарок погас. Оказавшись в крошечной тьме, я вновь подумала о Бриони. Наверняка свеча в ее камерке тоже погаснет, и она испугается. Бедняжка всегда боялась темноты.

В конце концов я уснула, но среди ночи меня разбудил скрежет ключа в замочной скважине. Дверь медленно, со скрипом отворилась, и в камеру проник слабый желтый свет.

Ожидая увидеть перед собой Скользящего, я вся напряглась, готовая к тому, что может произойти дальше. Однако вместо него в дверном проеме возникла молодая женщина с факелом в руке. Свободной рукой она поманила меня к себе.

Она была первым человеком, кого я увидела с тех пор, как мы покинули ферму.

– О, спасибо! – воскликнула я. – Мои сестры...

Улыбка мгновенно слетела с моего лица, стоило мне увидеть, как свирепо она на меня смотрит.

Она пришла сюда не как друг.

Ее голые руки были сплошь в шрамах. Некоторые были красными, еще не зажившими. Позади нее стояли еще четыре женщины. У двух шрамы были даже на щеках. Откуда они взялись? Неужели они дрались между собой? – задумалась я. У трех в руках были дубинки, у четвертой – хлыст. Все они были относительно молоды, но глаза их полны злости, а лица бледны, словно они никогда не видели солнечного света.

Я встала. Женщина снова поманила меня. Когда же я на миг застыла в нерешительности, она шагнула в камеру и, схватив меня за руку, грубо потащила к выходу. Я закричала и попыталась сопротивляться, но она была гораздо сильнее меня.

Куда они меня уведут? Я не могла допустить, чтобы меня разлучили с сестрами.

– Сюзан! Бриони! – крикнула я.

Когда я оказалась за порогом, мне завели руки за спину и силой повели вверх по лестнице. В конце концов мы остановились перед еще одной дверью. Женщины грубо толкнули меня в спину, и я, потеряв равновесие, упала. Пол оказался гладким и теплым и был выложен причудливыми изразцами с изображениями экзотических созданий, каких только смог вообразить себе художник. В помещении было жарко и сыро, вокруг клубился пар, и когда я приподнялась на колени, то увидела впереди огромный бассейн.

Втолкнув меня внутрь, женщины снаружи заперли за собой дверь и спустились по лестнице вниз. Я кое-как поднялась и стояла теперь на дрожащих ногах, с ужасом думая о том, что будет со мной дальше. Зачем меня привели сюда?

Пытаясь хоть что-нибудь разглядеть сквозь завесу пара, я заметила узкий мостик, перекинутый над бассейном, который вел к большой ржавой двери на другой стороне. Вдруг я услышала чей-то крик. При мысли о том, что может быть за этой дверью, мне стало страшно. Что за ней прячется?

Дрожь усилилась, и мужество окончательно оставило меня – мне показалось, это был голос Сюзан. Неужели там моя сестра? Из камеры я ничего такого не слышала. Но крик повторился, и я поняла, что да, это Сюзан. Что с ней происходит? Кто-то причиняет ей боль. Должно быть, как и меня, ее приволокли сюда те женщины.

Но почему? Ведь зверь пообещал защищать нас. Отец всегда говорил, что зверь хозяин своему слову, что он верит в то, что называет «договором», и всегда с честью выполняет обещанное. Если это так, то как он мог допустить такое? Или же зверь солгал и сейчас именно *он* делает больно моей сестре?

Я прошла вдоль края бассейна. Внезапно я остановилась, впервые заметив на крючке на двери черное пальто, а под ним когда-то принадлежавшую моему отцу саблю на ремне. Неужели Скользящий сейчас по ту сторону двери и мучает Сюзан?!

Я должна была что-то сделать. Я быстро обвела взглядом комнату, стараясь не смотреть на дверь. И тут я заметила рядом со стеной слева от меня что-то темное. Что это? Похоже на какое-то мохнатое животное, плавающее в воде мордой вниз...

Создание это показалось мне слишком маленьким, чтобы быть зверем, называвшим себя Скользящий, – примерно раза в четыре меньше его. Но потом я вспомнила, как отец как-то раз рассказывал мне, что с помощью черной магии маги хайзды могут менять свой рост. Подглядывая в окно сквозь щель между занавесками, когда зверь приходил к нам на ферму, я сама убедилась в этом, потому что всякий раз он бывал то больше, то меньше. Мне также вспомнился огромный глаз, который я увидела в окно, когда Скользящий пришел к нам в дом после смерти отца. Тогда я подумала, что это у меня от страха разыгралось воображение. Но что, если это действительно был зверь? Неужели он и вправду мог становиться таким огромным? Если да, значит, он вполне мог и сжиматься в размерах.

Но если в бассейне плавает Скользящий, то кто сделал это с ним? Как так получилось, что он утонул? Внезапно мне показалось, будто левая нога зверя чуть дернулась, и я подошла ближе.

Неужели он все-таки жив? При этой мысли какая-то часть моего «я» захотела толкнуть его под воду, чтобы он захлебнулся. Ничто не доставило бы мне большего удовольствия, тем более что сейчас он был совершенно беспомощен. Вряд ли у меня появится вторая возможность его прикончить. Но увы, это невозможно. Мы оказались в опасном месте, где обитали такие же звери. Без его защиты нам отсюда живыми не выйти.

Поэтому, выбросив из головы эти мысли, я наклонилась над водой и крепко схватила Скользящего за загривок. В следующий миг к моей руке что-то метнулось. Я инстинктивно разжала пальцы и выпустила зверя. Это была маленькая черная змейка с тремя желтыми точками на голове. Я и раньше видела змей на полях, но такая юркая мне ни разу не попадалась.

У меня на глазах она неторопливо поплыла прочь, но сквозь пар было трудно разглядеть, куда она скрылась. Зная, что она может в любую секунду вернуться, я не стала напрасну терять время и, крепко вцепившись в шерсть, схватила зверя обеими руками – одной за загривок, другой за поясницу.

– Ну, давай! – сказала я себе и что было сил потянула его к себе.

Бассейн было полон до самых краев, но все равно мне стоило немалых трудов вытащить это создание из воды. Сделав последнее усилие, я кое-как втащила его на край бассейна и, дрожа от изнеможения, опустилась на колени. Из-за двери снова раздался крик. На этот раз я была уверена, что кричит Сюзан, которую кто-то мучает.

– Пожалуйста! Умоляю вас! – кричала она. – Не делайте этого! Не надо! Мне больно! Помогите! Пожалуйста, помогите мне, или я умру!

Мое горло сжалось. Мне была невыносима мысль, что кто-то сейчас издевается над ней.

Скользящий обещал защищать нас – он был связан этим обещанием, – и без него мы целиком и полностью были во власти обитателей башни.

Увы, когда я посмотрела на его мокрое тело, оно не проявляло никаких признаков жизни. Меня охватило отчаяние. И вновь за дверью раздался крик Сюзан. Объятая яростью, осознавая свою беспомощность и невозможность прийти на выручку сестре, я обрушилась

на Скользящего с кулаками. От моих ударов у него изо рта хлынула вода, и вскоре возле головы образовалась небольшая бурая лужица.

Цвет жидкости навел меня на одну мысль. Я поняла, что это было, а также, что нужно делать, чтобы его оживить.

Кровь! Человеческая кровь! Отец однажды сказал, что в ней главный источник силы Скользящего. Я вскочила и бросилась к двери, на которой висело черное пальто зверя. Схватив приставленную к стене саблю, я отнесла ее туда, где лежал Скользящий, и, опустившись на колени, перевернула его.

Я окинула взглядом его тело, поросшее густой черной шерстью. Рот зверя был открыт, и наружу, почти до самого левого уха, вывалился длинный язык. Меня передернуло от отвращения.

Зная, что будет больно, я подняла над ртом Скользящего дрожащую руку и быстрым движением вонзила в нее кончик лезвия. Сабля была острой. Порез получился глубже, чем я предполагала. Руку пронзила острая боль, и кровь, словно капли дождя, закапала в открытую пасть зверя.

Глава 5

Я должен напитать себя силой!

Именно пятое чувство, вкус, вернул меня из темной бездны, в которую я провалился. Мой рот был полон теплой, сладкой крови.

Я поперхнулся и закашлялся, но затем сумел-таки сделать первый глоток. Еще миг – и густая жидкость устремилась в желудок, возвращая меня к жизни. Вскоре вернулось и обоняние. В ноздри ударил пьянящий запах женской крови. Ее источник был рядом, полный этого вкуснейшего напитка, который продолжал стекать мне в рот.

Следующим вернулось осязание, начавшись с покалывания в конечностях, которое быстро превратилось в обжигающую боль. Казалось, будто все мое тело горит огнем. В следующий миг я вновь обрел слух и услышал, как рядом кто-то плачет. Открыв глаза, я с удивлением увидел склонившуюся надо мной Нессу. По ее лицу ручьем текли слезы. Затем я увидел в ее правой руке саблю. Голова моя все еще была как в тумане, и на миг мне показалось, будто она собралась меня убить.

Я попытался вскинуть руки, чтобы защититься, но был слишком слаб и даже не смог откатиться в сторону.

К моему удивлению, она не нанесла удара. Я лежал, глядя на нее, и пытался понять, что же происходит. Постепенно до меня дошло, почему она все еще держит саблю. Я наконец связал острое лезвие с глубоким порезом на ее руке.

Затем, когда память вернулась ко мне, я вспомнил коварство Нунка... укусы водяной змеи. Я умер. Или мне так показалось. Кровь все еще капала мне в рот, но ее было уже меньше. Сделав очередной глоток, я приподнялся, пытаюсь схватить Нессу, чтобы притянуть ее руку к своим губам. Мне требовалось больше крови, но движения мои были медленными. Несса же с явным отвращением отдернула руку.

Впрочем, кровь сделала свое дело: я сумел перевернуться и встать на колени, после чего, разбрызгивая во все стороны капли воды, отряхнулся, словно пес после купания. Теперь мой разум заработал быстрее. Я начал думать. Начал понимать, какое великое дело сделала для меня Несса.

Она дала мне свою кровь. Эта человеческая кровь укрепила мою магию *шакамура*, даровав противоядие от змеиного яда и тем самым буквально вернув меня с порога смерти. Но почему она так поступила? И что она здесь делает, почему не заперта в своей комнате?

– Моя сестра. Кто-то там за дверью мучает мою сестру. Помогите ей, прошу тебя! – взмолилась Несса, указывая на дверь по другую сторону мостика. – Ты обещал, мы будем в безопасности...

И тогда я услышал другой звук – сдавленный девичий голос, который донесся из-за двери, ведущей в личные покои Нунка.

– Ее отвели туда! – от отчаяния Несса уже срывалась на крик. – А где Бриони? Какие-то ужасные женщины притащили меня сюда и закрыли дверь. Я только что спасла тебе жизнь, и теперь ты мне обязан! Помоги нам, прошу тебя!

Нетвердо стоя на ногах, я поднял хвост. С его помощью я уловил присутствие Нунка и понял, почему кричала Сюзан. Онпил ее кровь! Я был в ярости оттого, что Нунк, поправ законы кобалов, насильно завладел чужой собственностью. А еще я чувствовал себя в долгу перед Нессой. Она права – я обязан ей жизнью.

Было непривычно признавать подобную вещь. Человеческая самка – это ничто. В Валькарке она всего лишь чья-то собственность, вещь. Тогда почему я испытываю к ней благодарность? Что, если это скайум, размягчение моей хищной натуры? Нет-нет, что угодно, только не это!

Я повернулся к Нессе. Я убью Нунка и тем самым вновь закалю свой характер. В этот момент для меня не было ничего важнее.

– Дай мне саблю! – приказал я и начал увеличиваться в размерах, чтобы стать на голову выше девушки. Не переставая плакать, Несса протянула мне клинок. Пальцы ее дрожали, но кровь из левой руки уже перестала течь, а рана начала затягиваться. Я не стал сразу забирать у нее оружие. Вместо этого я повернулся к ней спиной и направился к пальто и ботинкам.

Первым делом я обулся, аккуратно зашнуровав ботинки, затем закрепил на груди и плечах ремни и проверил, надежно ли лежат в ножнах два коротких кинжала. После этого я облачился в пальто и тут же понял, что все три ключа исчезли. Я как раз застегнул последнюю из тринадцати пуговиц, когда из-за двери снова раздался крик Сюзан.

– Прошу тебя, поторопись! – взмолилась Несса.

Но я знал: в таких делах важно избегать ненужной спешки. Хоть я и был зол, я должен подкрасться неслышно и верно рассчитать момент удара – тогда он придет точно в цель. Нунк сейчас с девушкой один, но в подземелье башни могут быть расквартированы три десятка воинов, готовых встать на защиту Верховного мага.

– Кто привел тебя сюда? – спросил я, застегивая ремень. – Не воины-кобалы?

– Нет, это были женщины.

– Сколько их было?

– Пять.

Я протянул руку за саблей. Значит, Сюзан к Нунку отвели пурры, чтобы он мог медленно пить ее кровь, смакуя каждый глоток. Несомненно, когда он увидел Нессу, на уме у него был иной вид наслаждений, ибо она слишком худа и кровь ее будет жидкой. Он бы воспользовался ею, чтобы попрактиковаться во владении клинком, – постарался бы нанести ей как можно больше порезов, не давая, однако, умереть. Но в конце концов она все равно умерла бы от болевого шока или потери крови. Что касается Бриони, то я был почти уверен, что ее отдали воинам, чтобы те приготовили ее к пиру.

Теперь я чувствовал себя гораздо лучше. Я стал сильнее, но все равно не настолько, как хотелось бы. Еще одна порция крови пошла бы мне на пользу. Я знал: проще всего насильно взять ее у Нессы, но что-то во мне упорно противилось этому.

И вдруг я вспомнил про змею! Подойдя к краю бассейна, я опустился на колени и опустил руку в обжигающую воду.

– Будь осторожен! – воскликнула Несса. – Там змея!

– Знаю, малышка Несса. Испытал ее укус на собственной шкуре. Это из-за нее я оказался в том незавидном положении, в каком ты меня нашла. Даже не представляю, что было бы со мной, не приди ты сюда. Теперь настал черед пострадать этой змее!

Скорее всего, меня укусила маленькая черная змейка, *скулка*. Все ее очень боятся, так как ее укус вызывает быстрый паралич. Скулка – любимое оружие наемных убийц. Стоит яду попасть в кровь, как жертва тотчас становится беспомощной, а потом умирает в ужасных мучениях. А обнаружить в крови мертвеца ее яд практически невозможно. Думаю, Нунк выработал у себя невосприимчивость, принимая его в малых дозах. Эта змейка, скорее всего, ему хорошо знакома.

Я задрал хвост – он куда более «зоркий», нежели глаз или ухо. Вот и сейчас он точно подсказал мне, где находится змея. Извиваясь в воде, она устремилась прямо к моей руке.

Но как только скулка открыла пасть, чтобы ядовитыми зубами впиться мне в руку, я ловко выхватил ее из воды. Сжав змейку чуть ниже головы, чтобы она не смогла укусить меня, я поднял ее в вытянутой руке и – под испуганный крик Нессы – откусил ей голову, которую затем выплюнул в воду. Теперь я мог спокойно высосать кровь из ее тела.

Увы, змеиной крови оказалось недостаточно, и я, оторвав от скулки кусок мяса, медленно его сжевал.

Глупая девушка пыталась побороть отвращение.

Неужели ей непонятно, что это нужно для того, чтобы спасти ее сестру? Прожевав, я проглотил кусок змеи, и тут из-за двери снова раздался крик Сюзан.

Я с улыбкой повернулся к Нессе:

– Прояви терпение, малышка Несса! Мне нужна сила. Если я буду слаб, мы все погибнем.

Доев змею, я прошел по узкому мостику и приблизился к ржавой железной двери. Как я и ожидал, она была не заперта. Открыв ее, я шагнул в узкий коридор, в конце которого виднелась еще одна дверь. Ее я тоже открыл и вместе с Нессой, которая следовала за мной по пятам, вошел в личные покои Нунка.

Просторная комната служила Верховному магу кобалов одновременно рабочим кабинетом, личным арсеналом и опочивальней и потому являла собой забавную мешанину суровой простоты и роскоши. На голом каменном полу стоял резной дубовый стол, края которого были окованы тончайшим серебром, происхождение которого я тотчас же узнал: пятьдесят три года назад это превосходное серебро было захвачено в дерзком разбойничьем набеге на дальние южные земли, населенные людьми. Подвиги Нунка были хорошо известны. Он добился многого, но его эгоизм был притчей во языцех. Движимый гордыней и тщеславием, он делал все для того, чтобы его слава распространилась как можно дальше.

На противоположной стене висели щиты, копья, боевые топоры и разнообразные клинки, в том числе иноземные. Под ними стоял огромный стол, заваленный картами и стопками бумаг, придавленными массивными пресс-папье из синего агата.

В комнатах моей гханбалы тоже имелось немало вещей, на которых приятно остановить глаз. Однако в отличие от карт и оружия Нунка, нарочно выставленных напоказ, они отражали мои личные интересы и пристрастия: кувшины с травами, снадобья, гербарии и чучела животных – все это помогало постичь разнообразие природы и было полезно для моей магии.

Здесь же стены были увешаны столь плотно, что голого камня вообще не осталось. Кое-где виднелись высеченные изображения воинов в полных боевых доспехах, в том числе и портрет короля Валькарки, павшего от руки наемного убийцы.

Я увидел Нунка. Крепко схватив Сюзан, он впился зубами в ее шею. Девушка уже была без сознания. Несса вскрикнула у меня за спиной. Этот ее крик и помог Нунку заметить угрозу, то есть меня. Он мгновенно выпустил Сюзан и отпрянул назад.

Сюзан рухнула на пол. Нунк же схватил со стены огромное копьё и вскинул его над головой, целясь в меня. Готовясь к предстоящему пиру, он уже переоделся в церемониальное платье. На мою беду, на нем была дорогая кольчуга, как мне показалось – слишком толстая,

чтобы разрубить ее саблей. С другой стороны, он готовился пировать, а не воевать, так что его голова и шея оставались уязвимы для разящей стали.

– Владыка Нунк! – грозно крикнул я. – Ты взял кое-что, что принадлежит мне, и обязан вернуть мою собственность!

Произнося эти слова, я поднял хвост, чтобы он заранее мог предупредить меня о намерениях врага. Задрал его, я поступил правильно. Внешне ничто не говорило о том, что Нунк собирается атаковать – у мага не дрогнул ни один мускул, – но вместо ответа он метнул копьё прямо мне в голову. Как я уже сказал, хвост предупредил меня, так что я был готов к такому повороту событий. Когда в меня полетело копьё, я шевельнул лишь одной частью тела – вскинул руку и искусно отбил копьё саблей, повернув клинок плашмя. Отлетев, копьё ударилось о стену и, звякнув, упало на каменный пол.

Сюзан открыла глаза и, с трудом поднявшись на колени, безумным взглядом смотрела на происходящее. Из ее горла вырвался крик ужаса, а в следующий миг Нунк бросился к дальней стене, сорвал с нее саблю и щит и повернулся лицом ко мне. Он был несомненно силен – судя по мышцам торса, Верховный маг каждый день упражнялся в боевых искусствах.

Когда я был моложе, до того как стать магом хайзды, я также тренировался каждый день. Но теперь я поддерживал форму охотой, а в бою предпочитал полагаться на инстинкт, а не следовать приемам, предписанным кобалам.

Хотя Нунк наверняка уже не так силен и ловок, как в былые годы, он по-прежнему был опасен. К тому же я понимал, что укус змеи отнял у меня часть сил. Мне не выдержать долгой схватки. Чтобы победить, я должен действовать как можно скорее.

Левой рукой я стремительно расстегнул три верхние пуговицы и вытащил короткий кинжал. Вооруженный двумя клинками, я обошел вокруг стола и медленно двинулся навстречу магу.

Краем глаза я заметил, как Несса бросилась к Сюзан. Я подумал, она решила утешить сестру, но, к моему изумлению, девушка подобрала с пола копьё и метнула его в Нунка.

Когда копьё ударилось о щит, не причинив Верховному магу никакого вреда, он, использовав его как дубинку, замахнулся на Нессу.

Удар пришелся ей в плечо, и девушка отлетела к стене. Я понял: более удачного момента может и не представиться. Надо действовать! Нунк совершил ошибку, которая будет стоить ему жизни. Воспользовавшись безрассудным поступком Нессы, я бросился на Нунка и молниеносным движением полоснул его саблей по горлу.

Он попытался было прикрыться щитом, но, увы, опоздал. Быстрота и сила моего удара были таковы, что еще немного – и голова слетела бы с плеч. Нунк рухнул на пол, и я, отбросив саблю и кинжал, опустился на колени рядом с умирающим Верховным магом.

Я должен напитать себя силой. Его кровь давала мне энергию, и это был наш шанс убежать из крепости.

Кровь била из горла Нунка фонтаном. Я жадно приник к ране, упиваясь горячей сладкой влагой, и с каждым глотком мое естество наполнялось жизненной силой.

Глава 6 Убийца-шайкса

Насытившись, я выпрямился и смачно отрыгнул. Лучше переесть, чем остаться голодным!

Несса уже поднялась на ноги и, держась за плечо, морщилась от боли. Скажу честно, ее храбрость произвела на меня впечатление. Еще бы, ведь она помогла мне справиться с Нунком! Ее лицо было белым как мел, но, если не считать синяков, можно сказать, девушка отделалась легким испугом и с ней все будет в порядке. Пурры обычно живучи. Я улыбнулся ей, но она ответила мне хмурым взглядом. На ее лице были ужас и отвращение. Я облизал губы, вернулся в комнату с бассейном и опустил на колени возле воды.

Нагнувшись как можно ниже – так, что едва не касался ее лицом, – я обеими руками принялся смывать кровь со щек и волос.

Когда я почти закончил, Несса и Сюзан рука об руку вошли в комнату и встали позади меня. Я обернулся, посмотрел на них и снова улыбнулся. Но они глянули на меня так, словно я сделал им что-то плохое, а не спас от неминуемой гибели. Впрочем, нужно учитывать их состояние. Вдобавок к ушибленному плечу половина лица Нессы была сильно ободрана. По всей видимости, щит Нунка скользнул по ее щеке. Сюзан была смертельно бледна. Она потеряла так много крови, что оказалась на грани жизни и смерти.

– Пойду раздобуду одежду для вас обеих, – сказал я. – Теплую, чтобы вы не замерзли в метель. А потом мы сразу покинем крепость.

Сюзан открыла было рот, но не смогла произнести ни слова. После того что с ней сделал Нунк, ее по-прежнему била дрожь. В отличие от младшей сестры, Несса была настроена решительно.

– А Бриони? – спросила она.

– Не волнуйся, Несса, я прихвачу одежду и для нее. Но нам нужно поскорее покинуть крепость. Если вы хотите уйти отсюда живыми, вы должны делать в точности то, что я вам скажу.

К чему заранее расстраивать ее, сообщив, что Бриони, скорее всего, уже нет в живых? Она и сама это скоро узнает. Держа перед собой саблю и кинжал, я повел их вниз по каменным ступеням. При этом мой торчащий вверх хвост слегка подрагивал, стараясь вовремя обнаружить любую опасность, которая может подстергать нас впереди.

В кладовке, где хранилась одежда живших в башне рабынь, я захватил одежду для обеих девушек: теплые пеньковые штаны, кофты из толстой шерсти и водонепроницаемые накидки с капюшоном, какие носят пурры, когда выполняют свои обязанности во внутреннем дворе.

Взяв все это, я начал спускаться дальше. Я не стал ничего брать для малышки Бриони – да там и не было одежды такого маленького размера. Впрочем, Несса взяла эту охапку в руки, ничего не заподозрив.

Наконец мы оказались возле тех трех комнат. Ключи снова были в замочных скважинах, но все три двери открыты нараспашку. Я остановился, а Несса с криком забежала в каждую, осмотрев комнату одну за другой, в поисках младшей сестры.

Наконец с безумными от горя глазами она подбежала ко мне:

– Где она?! Куда они ее забрали?!

– Забудь о ней, малышка Несса. Надеюсь, она уже упокоилась с миром.

– Она ведь еще ребенок! – гневно бросила мне в лицо Несса. – Ты обещал, что она будет в безопасности!

– Забудь. Нам нужно поскорее убираться отсюда. Промедление смерти подобно. Если ты хочешь жить, следуй за мной. Иначе скоро будет слишком поздно.

– Я никуда не пойду без нее!

Она испытывала мое терпение.

– Тогда ты умрешь здесь. Ты изменишь свое мнение, когда почувствуешь, как сабли распарывают твоё тело. Они будут убивать тебя очень медленно...

– Я спасла тебя, – сказала Несса едва ли не шепотом. Внезапно она протянула руку и, схватив меня за шерсть, притянула к себе. Мы почти соприкоснулись лбами. – Ты обязан мне жизнью. Я спасла тебя, чтобы ты спас обеих моих сестер!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.